

ПРЕСТУПНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ КАК ДЕСТРУКТИВНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ АКТОРЫ (НА МАТЕРИАЛАХ БРАЗИЛИИ)

Стригунов Константин Сергеевич

- e-mail: sks6891@gmail.com
кандидат политических наук, ведущий аналитик,
Ассоциация специалистов по информационным операциям
124617, г. Москва, г. Зеленоград, корп. 1425, кв. 109,
Российская Федерация

Манойло Андрей Викторович

- e-mail: 9315891@gmail.com
доктор политических наук, профессор кафедры
международных отношений и внешней политики,
Московский институт международных отношений (Университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации
119454, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 76, Российская Федерация

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Стригунов К. С., Манойло А. В. Преступные организации как деструктивные политические акторы (на материалах Бразилии) // Российский социально-гуманитарный журнал. 2024. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 30.06.2023
- Статья размещена на сайте 12.04.2024

СТРУКТУРА

[Аннотация](#)

[Ключевые слова](#)

[Введение](#)

[Бразильские преступные организации как де-факто политические субъекты](#)
[Анализ взаимодействия преступных организаций Бразилии и государственных институ-](#)
[тов в соответствии с трилатеральным континуумом \(КТГ-анализ\)](#)

[Криминальные квазигосударства и КТГ-сингулярность](#)

[Заключение](#)

[Литература](#)

[Article information](#)

АННОТАЦИЯ

Цель. Определение механизмов деструктивного влияния преступных организаций на бразильское государство.

Процедуры и методы. Исследование проведено на примере бразильских преступных организаций с использованием трилатерального континуума «криминал–терроризм–государство». Использовались также методы системного и сравнительного анализа, синтеза, обобщения и интерпретации результатов.

Результаты. Выявлен механизм деструктивного влияния преступных сообществ на бразильское государство в соответствии с предложенным методом. Были также выявлены условия, при которых преступные сообщества Бразилии де-факто следует приравнивать к террористическим организациям. Дано объяснение тому, что территориальный контроль и усиление преступных и / или террористических организаций теснейшим образом взаимосвязаны с деградацией государства и его институтов.

Теоретическая и практическая значимость. Результаты исследования расширяют понимание влияния преступных сообществ на государство на примере Бразилии. Использование континуума «криминал–терроризм–государство» в качестве метода исследования позволяет графически отобразить влияние криминальных и террористических организаций на государство.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Бразилия, преступные организации, банды, ополчения, КТГ-континуум, КТГ-сингулярность

ВВЕДЕНИЕ

Существующие в Бразилии преступные организации (ПО) банды и ополчения – оказывают огромное влияние на само государство и общественную жизнь. Причины, лежащие в основе появления этих организаций, привели к девальвации человеческой жизни и экстремальному гипернасилию. В целом за последние несколько десятилетий произошло скачкообразное увеличение количества самих ПО вместе с ростом их численности. Однако данный процесс не ограничивался исключительно увеличением количественных характеристик бразильских ПО. Сами криминальные структуры формировались

с разными мотивационными принципами. Например, Первая столичная команда (Primeiro Comando da Capital, PCC) формировалась на антигосударственной основе и осуществляет масштабированные атаки против полиции, судей, начальников тюрем и прочих ведомств, что неоднократно отмечали бразильские исследователи [4; 8; 9; 10]. Одна из наиболее известных подобных акций была осуществлена в т. н. День матери¹. Однако PCC не занимается только криминальной деятельностью, хотя в политической сфере пока данная ПО ограничивается тактическими целями (подкуп, облегчение тюремной жизни и т. п.). По мнению исследователей, общая безнаказанность и коррупция судебной системы Бразилии предполагает, что любое движение к большей интеграции между PCC и политическими элитами встретит препятствия², однако есть основания считать, что у PCC есть политические цели, а если учесть размах деятельности этой банды, то выход на политический уровень возможен. Впрочем, как будет показано дальше, в реальности PCC и подобные ей ПО или транснациональные преступные организации (ТПО), конкретно – банды третьего поколения, в соответствии с классификацией Дж. Салливана³, уже де-факто оказывают политическое влияние.

Ситуация ещё специфичнее в случае с ополчениями (милициями, порт. *milícias*). Согласно работе Залуара, Консейсана [15] термин «ополчение» / «милиция» относится к полицейским и бывшим полицейским (в основном военным), пожарным и тюремным надзирателям, прошедшим военную подготовку и принадлежащим к государственным учреждениям. Они берут на себя ответственность защищать и обеспечивать «безопасность» в районах, которым предположительно угрожают торговцы наркотиками. Согласно авторам эти группы бывших полицейских представляют собой то же явление, которое в 1960–1980-х гг. называлось группами истребления (порт. *grupos de extermínio*, т. е. «эскадроны смерти») в Байшада-Флуминенсе и

¹ Downie A. Behind Brazil's Killing Spree // Time: [сайт]. URL: <http://content.time.com/time/world/article/0,8599,1195272,00.html> (дата обращения: 11.06.2023).

² Ibid. P. 49.

³ Согласно классификации Дж. Салливана выделяется 3 поколения банд (Generation Gangs). Наиболее "продвинутые" банды – третьего поколения (в данной работе 3GG) – действуют на глобальном конце спектра и являются более изощрёнными по своей природе. Этот тип банд может использовать либо квазитерроризм, либо настоящий терроризм для усиления своего влияния. Такие банды – сетевые воины, бросающие вызов национальному государству [12; 13].

в Западной зоне города Рио-де-Жанейро. Новизна ополченцев состоит только в расширении бизнеса за счёт «продажи» товаров и услуг. Отмечается, что данная характеристика ополченцев в Рио-де-Жанейро также присутствовала в начале деятельности итальянской и североамериканской мафий. Кроме того, контроль над территорией, на которой в настоящее время преобладает военная сила, также становится центральной чертой ополченцев в Рио-де-Жанейро, где эти акторы, незаконно действующие во многих нищих районах, установили тесную связь с политическим миром.

Ополчения не подкупают государственных чиновников, а действуют рука об руку с политиками того или иного штата с единой целью – устранять конкурентов, доминировать в поставках товаров на местном уровне и контролировать незаконные рынки. Фактически ополчения и другие ПО 3GG по типу РСС в состоянии выполнять ряд социальных функций и тем самым в этом аспекте заменять государство. Другими словами, на территориях, находящихся вне контроля со стороны государства, действует параллельный суверенитет ПО, частично или полностью вытеснивших государственную власть. Фактически установление полного или частичного контроля идёт со стороны криминальных структур, которые постепенно, через насилие, перехватывают контроль над территорией.

Однако наблюдается движение и с противоположного направления, когда государственные чиновники и структуры становятся неотличимы от криминальных лидеров (действующие полицейские одновременно являются ополченцами). В таком случае контроль ими территорий ведёт к формированию альтернативного суверенитета со стороны негосударственного делинквентного актора.

Целью данной работы является определение механизмов деструктивного влияния преступных организаций на бразильское государство. Исследование проведено на примере бразильских преступных организаций с использованием трилатерального континуума «криминал–терроризм–государство». Использовались также методы системного и сравнительного анализа, синтеза, обобщения и интерпретации результатов.

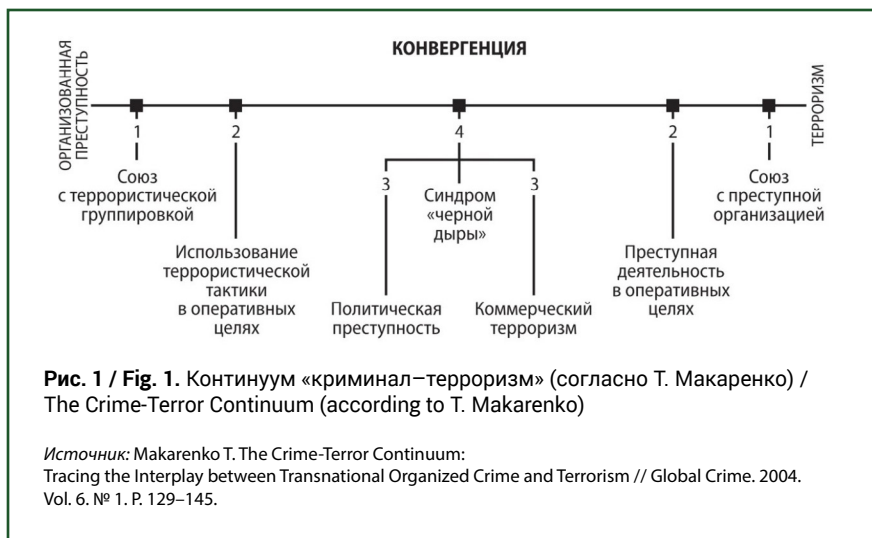
БРАЗИЛЬСКИЕ ПРЕСТУПНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ КАК ДЕ-ФАКТО ПОЛИТИЧЕСКИЕ СУБЪЕКТЫ

Бразильские банды и ополчения влияют на реконфигурацию государства и формируют зоны беззакония с параллельным суверенитетом. Первичным фактором выступает насилие, т. е. препятствие доступа на подконтрольную территорию враждебным группировкам и захват новых районов силой оружия. Кроме того, существуют разновидности контроля в виде реагирования на какие-либо инциденты (подобным образом действуют некоторые ополчения в Рио-де-Жанейро). Важнейшим признаком является монопольное право на насилие, и неважно, осуществляется ли оно лично членами ПО или же с их разрешения, – главное, чтобы в конечном итоге дозволение на него оставалось за ПО [6]. Несмотря на то, что зоны контроля ПО являются частью города и всего государства, по сути, наблюдается эффект *фактической сецессии*, т. к. государство там либо не присутствует, либо его влияние несущественно.

Немаловажно дать и оценку тому, насколько ПО Бразилии схожи с террористическими организациями (ТО). Для этого существует соответствующий инструмент континуум «криминал-терроризм» (англ. The Crime–Terror Continuum [11]), разработанный Т. Макаренко (рис. 1). Практически не вызывает сомнений, что по целому ряду признаков отдельные бразильские банды и ополчения двигаются в сторону от левого края континуума к центру, находясь ближе к синдрому «чёрной дыры» (где стираются различия между ПО и ТО), поскольку в Бразилии фиксируются случаи союза с террористическими группировками. В частности, взаимодействие осуществляется с Хезболлой⁴, например, со стороны РСС⁵. Хезболла помогает РСС получать оружие на чёрном рынке, в то время как крупнейшая бразильская банда помогает Хезболле с её потребностями в т. н. Трёхграничной зоне (англ. the Tri-Border Area [5]), расположенной на стыке Бразилии, Аргентины и Парагвая.

⁴ В России данная организация не причисляется к террористическим, однако США, Израиль и ряд других стран относят её к террористическим организациям.

⁵ Keshavarz A. Iran and Hezbollah in the Tri-Border Areas of Latin America: A Look at the «Old TBA» and the «New TBA» // Small Wars Journal: [сайт]. URL: https://smallwarsjournal.com/jrnl/art/iran-and-hezbollah-in-the-tri-border-areas-of-latin-america-a-look-at-the-%E2%80%9Cold-tba%E2%80%9D-and-the#_ednref32 (дата обращения: 13.06.2023).

Криминальные структуры в своей первичной форме являются собой паразитарные негосударственные насильственные акторы в общественно-государственной системе вследствие несовершенства государственного устройства и других негативных факторов (в Бразилии это – коррупция, экономические проблемы, ликвидация социальных лифтов, сегрегационные расовые / классовые явления по типу апартеида; в других государствах наблюдается также инфильтрация чужеродных этнорелигиозных и этноконфессиональных групп и т. п.), а также присутствия в любом обществе делинквентных элементов. На определённом этапе некоторые ПО (как это было в случае с РСС) могут для улучшения собственной организации и мобилизации использовать идейно-политическую мотивацию. Тогда с увеличением их территориального господства и вытеснением с захваченных территорий властей и конкурирующих групп они могут достичь уровня 3GG. С этого момента ПО уже слабо отличаются (а в некоторых случаях – вообще неотличимы) от насильственных негосударственных акторов с политической мотивацией – будь то повстанческое движение или ТО (различие между которыми часто довольно условное и во многом зависит от точки зрения того или иного государства или власти). Следовательно, у отдельных ПО (бразильских, в частности) *де-факто* политические цели могут формироваться тогда, ког-

да они оказываются в состоянии удерживать территорию под своим контролем в течение длительного времени. Террористические же организации имеют изначальные политические цели независимо от того, контролируют ли они территорию или нет, влияют ли они на принятие решений органами государственной власти или не влияют, но пытаются.

В целом с развитием глобальных кризисных явлений и ухудшением социально-экономических условий в государствах появление террористических, экстремистских и криминальных организаций с де-факто политическими целями получит новый мощный импульс. ПО уровня 3GG с наибольшей вероятностью могут появляться, с одной стороны, в тех государствах, которые в силу исторических причин так и не сумели стать полноценными, а с другой стороны, в тех из них, которые в кризисный период понесут самые тяжёлые потери. Тогда с наибольшей вероятностью появятся ПО, способные осуществлять длительный территориальный контроль и заменять там государство, а значит, де-факто добиваться политических целей. Бразилия – в числе таких государств.

Сам факт контроля ПО значительных территорий, где присутствие государства либо нулевое, либо минимальное, уже де-факто приводит к политическому результату, поскольку такие территории больше напоминают квазигосударственные анклавы, которые только формально считаются частью Бразилии.

АНАЛИЗ ВЗАИМОВЛИЯНИЯ ПРЕСТУПНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ БРАЗИЛИИ И ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНСТИТУТОВ В СООТВЕТСТВИИ С ТРИЛАТЕРАЛЬНЫМ КОНТИНУУМОМ (КТГ-АНАЛИЗ)

Сказанное выше позволяет сделать вывод, что отдельные бразильские ПО в соответствии с континуумом Т. Макаренко имеют все признаки конвергенции с террористическими организациями, как минимум на третьей фазе интеграции левой части спектра – политической преступности. Таким образом, колоссальный ресурсный потенциал, перманентный социально-экономический кризис и привлечение лиц, обладающих значительным опытом и навыками подрывной работы (например, FARC [14]), массовый переход действующих или бывших государственных служащих в криминальную сферу, исполь-

зование в ряде случаев религиозной составляющей для обоснования территориальной экспансии и мобилизации сторонников указывают на то, что, во-первых, эти ПО – уровня 3GG в соответствии с классификацией Дж. Салливана, а во-вторых, их влияние на государство, специфика организации, боевая мощь, использование тактических приёмов, характерных для военизированных групп, и – что следует признать – наличие частичной поддержки среди населения делают данные ПО весьма схожими с крупнейшими ТО. Разумеется, это не может не сказываться на самом бразильском государстве, что в действительности и происходит практически на всех уровнях государственной организации и сферах жизни, оказывая влияние на жизнь десятков миллионов человек, отражаясь на культуре, на безопасности и пр.

Параллельно с усилением криминальных структур происходит ослабление государственных институтов, их трансформация в ПО, но имеющие государственное прикрытие. Причём государственный чиновник (военный, полицейский или др.), ставший на преступный путь и действующий в банде или ополчении при сохранении своей должности не является *де-факто* госслужащим, но сохраняет формально данный статус. Более того, если ПО, членом которой является этот госслужащий, контролирует территорию, где государство фактически вытеснено, то относительно ПО это лицо является его (ПО) участником высокого ранга, которое действует по отношению к государству как внедрённый в него преступный агент. В таком случае на указанной территории государство вторично по отношению к ПО. Из этого следует, что подобное состояние сильно отличается от обычного коррупционера или чиновника (например, высокопоставленного полицейского), который скрытно управляет какой-либо криминальной группировкой в собственных интересах. В рассматриваемом случае государство превалирует над преступной организацией, а замаранный чиновник представляет собой только классического «оборотня в погонах». Однако, когда ПО *доминирует* над государством на той территории, которую она контролирует, всё в точности наоборот: криминальный элемент с высоким иерархическим статусом внутри ПО мимикрирует под государственного чиновника.

Разница между этими явлениями может показаться не принципиальной, но только до тех пор, пока не будет дана оценка степени влияния ПО, к которой относится обсуждаемый пре-

ступник, на той или иной территории. Когда государство контролирует свою территорию, хотя и может иногда встречать ожесточённое противодействие своему контролю со стороны ПО, тогда такой криминальный элемент можно считать только «оборотнем в погонах», поскольку государственные институты сохраняются, пусть и демонстрируют невысокую степень эффективности, а также поражены коррупцией. Обсуждаемый субъект являет собой лишь пример морально деградировавшего человека, использующего своё служебное положение в узкокорыстных целях, но всё же встроенного в более-менее функционирующий институт власти. Однако если государство присутствует лишь номинально, а подобных зон беззакония на его территории много (и, следовательно, можно говорить о системном явлении, а не о печальном исключении из общего правила), тогда обсуждаемый субъект в гораздо большей степени криминальный элемент, чем государственный чиновник, поскольку институты власти не просто плохо работают, а почти полностью отсутствуют в данной зоне, будучи не более чем оболочкой, имитирующей присутствие государства, однако де-факто его там нет. И хотя между описанными состояниями не существует чёткой разграничительной линии, разница между ними принципиальна. Она выражается в том, что сильно коррумпированное государство с тесно интегрированными криминальными элементами даже на высоких должностях (по сути, совмещающими в себе официальный и криминальный статус) сохраняет свою государственность. Однако в ситуации, когда ПО вытесняет государство, статус криминального элемента уничтожает статус госчиновника. Данное лицо находится вне государства, т. е. не как преступник, действующий вне правового поля на территории своего государства, опасаясь, что к нему в любой момент могут прийти из службы собственной безопасности, прокураторы или контрразведки, а будучи элементом негосударственного делинквентного субъекта и актора, заместившего государство на части его территории. *Следовательно, способность насильственным путём установить территориальный контроль есть системообразующий фактор, наличие которого позволяет различить вышеупомянутые случаи.* Отметим, что в феноменах банд и ополчений Бразилии данный фактор присутствует в полной мере.

Важно подчеркнуть, что по мере усиления территориального контроля сами ПО уже не являются в чистом виде только

криминальными структурами, но всё больше приобретают черты государства. В этой связи целесообразно рассмотреть эволюцию бразильских банд поколения 3GG не только через призму континуума Макаренко, но и в соответствии с моделью, которая в себе совмещает не только криминальные организации и терроризм, но и государство – т. н. трилатеральный, или КТГ-континуум (криминал–терроризм–государство [3], рис. 2).

Рис. 2 / Fig. 2. Континуум «криминал–терроризм–государство» (КТГ-континуум). Сингулярность – полная интеграция криминальных и / или террористических структур с государством вследствие деградации его институтов / Continuum «Criminal-Terrorism-State» (CTS-continuum). Singularity is the integration of criminal and/or terrorist structures with the state due to the degradation of its institutions

Источник: [3]

Данный континуум является модификацией континуума Т. Макаренко, но с одним принципиальным дополнением, а именно с интеграцией в его схему третьего субъекта – государства. Введение третьей вершины в континуум Т. Макаренко было обусловлено тем, что с усилением криминальных или террористических организаций государство не может сохранять эффективность своих институтов и собственную структуру. Более того, системные проблемы государства и общества создают импульс к деструкции государственных институтов,

и здесь наблюдается явная зависимость. Невозможно состояние, когда государство сохраняет или тем более усиливает собственные институты власти при одновременном и повсеместном усилении криминала и / или терроризма. Как показала практика, деградация государства и усиление преступных и / или террористических организаций теснейшим образом взаимосвязаны, а значит, из этого логически следует необходимость расширить континуум с включением в него государственного субъекта.

КРИМИНАЛЬНЫЕ КВАЗИГОСУДАРСТВА И КТГ-СИНГУЛЯРНОСТЬ

В работе над КТГ-континуумом мы показали, как преступные и террористические организации в состоянии сражаться с государством, переходя от стадии антагонизма к симбиозу. Следующий эволюционный этап данного процесса представляет собой появление на некоторой территории криминального либо террористического квазигосударства, но с уточнением, что на практике трудно найти «чистое» криминальное квазигосударство или террористическое квазигосударство. В результате возможна интеграция всех трёх субъектов в одной *сингулярной* точке (КТГ-сингулярность, на рис. 2 в центре треугольника). Иными словами, *сингулярность* – полная интеграция криминальных и / или террористических структур с государством вследствие деградации его институтов. Однако из такой конфигурации следует, что, в отличие от континуума Т. Макаренко (см. рис. 1), положение состояния того или иного субъекта (криминального, террористического или государства) не может быть отображено одной точкой. Поясним: на континууме Т. Макаренко, например, положение ПО меняется слева направо по мере того, как ПО становится всё более похожей на ТО; и наоборот, по мере того, как ТО становится похожей на ПО, её положение на континууме Т. Макаренко смещается влево. Однако в трилатеральном континууме положение субъекта отображается не на линии, а на плоскости, образуемой третьей вершиной треугольника – государством. В этом состоит отличие, поскольку состояние государства и ПО / ТО не может быть

отображено одной точкой на КТГ-континууме, если речь идёт сразу о двух субъектах – государственном и негосударственном (ПО или ТО). Отображать положение только одного субъекта нецелесообразно, т. к. это лишь снизит исследовательский потенциал, а также не отвечает одной из основных целей данной работы, а именно – выявлению деструктивного влияния эволюции бразильских ПО на государство Бразилию.

При этом возникает довольно примечательный эффект. Деструктивное воздействие на государство (или его часть – штат, провинцию и т. п.) со стороны ПО было бы неверно рассматривать, отталкиваясь от одной отдельно взятой ПО, ведь разрушительное воздействие на государство (или его часть, например, на уровне штатов) осуществляется не одной бандой или ополчением, а их совокупностью, т. е. криминальный субъект в Бразилии с этой точки зрения следует рассматривать как *интегральную* величину. Данный вывод следует из того факта, что никакая, даже самая мощная банда 3GG, например РСС или CV (Comando Vermelho), не даёт решающего вклада в этот деструктивный эффект, но совокупное воздействие на бразильское государство (или его регионы) всех бразильских ПО, в т. ч. транснациональных, массированно разрушает институты, на что указывает значительный территориальный контроль бандами и ополчениями⁶. В таком случае положение ПО на КТГ-континууме (рис. 3) показывает то, насколько бразильские ПО продвинулись в трансформации в де-факто криминальное квазигосударственное(ые) образование(ия), имеющее(ие) ряд признаков, отображённых на КТГ-континууме (сторона «организованная преступность–государство»).

⁶ Исследования территориального контроля ПО в Бразилии проводили бразильские специалисты из Группы по изучению нового нелегализма в Федеральном университете Флуминенсе (г. Рио-де-Жанейро) и Центра изучения насилия в университете Сан-Паулу. См.: Mapa dos grupos armados do Rio de Janeiro // Núcleo de Estudos da Violência da USP: [сайт]. URL: <https://nev.prp.usp.br/mapa-dos-grupos-armados-do-rio-de-janeiro> (дата обращения: 15.06.2023).

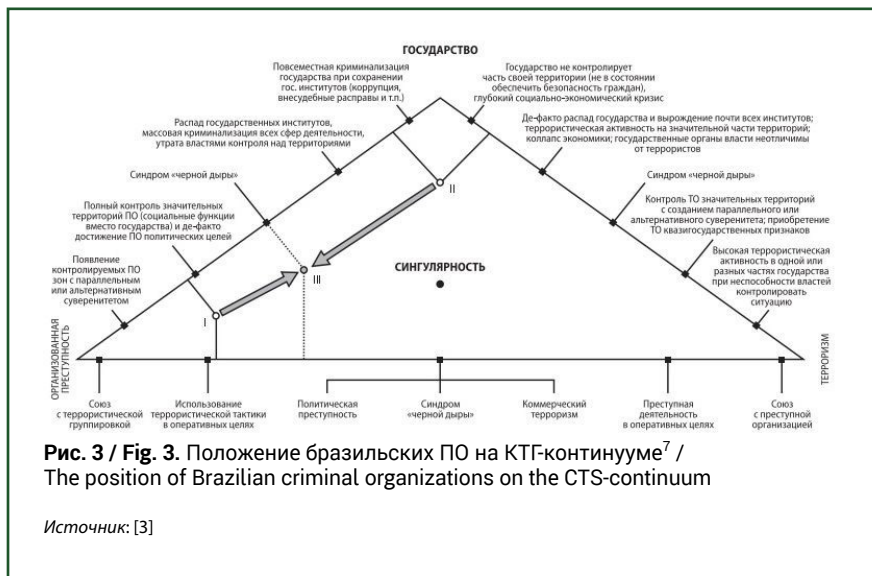

Рис. 3 / Fig. 3. Положение бразильских ПО на КТГ-континууме⁷ /
The position of Brazilian criminal organizations on the CTS-continuum

Источник: [3]

Исходя из примечания к рисунку, положение криминального субъекта (интегральное, синергетическое воздействие всех бразильских ПО) и стадия деградации государства (либо на субгосударственном уровне) отображаются отдельно – точкой I и точкой II соответственно. Если бы речь шла только о ТО, оказывающих на государство схожее воздействие (а само государство также деградировало бы вследствие распада институтов и утраты контроля над территориями), на КТГ-континууме интегральное воздействие этих ТО отобразилось бы точкой I, но в области между сингулярностью и стороной «терроризм–государство». Отметим, что положение ПО или ТО (точка, отображающая их эволюцию на КТГ-континууме) не является интегральной величиной только в тех случаях, когда одна ПО или

⁷ Положение бразильских ПО на КТГ-континууме (характеризует интегральное разрушительное воздействие ПО на Бразилию как государство или отдельные его регионы) обозначено кружком с римской цифрой I. Степень деградации государственных институтов обозначена кружком с римской цифрой II. Предположительно, при сохранении текущих тенденций интегральное разрушительное воздействие бразильских ПО на государство (либо его отдельные области / штаты) окажется настолько значимым, а степень деэволюции государственных институтов настолько глубокой, что они могут совпасть в положении III. На этой стадии ПО достигают уровня криминального(ых) квазигосударства(в), близкого к КТГ-сингулярности.

ТО оказывает решающий вклад в деструкцию государства, а влиянием остальных подобных субъектов можно пренебречь. Примером подобного доминирующего негосударственного субъекта (с признаками квазигосударства) можно считать «Талибан»⁸ в Афганистане. «Талибан» стал доминирующей силой в Афганистане с претензией на легитимизацию международным сообществом. Ещё одним примером можно считать «Исламское государство»⁹, которое на протяжении длительного времени удерживало под оккупацией значительную часть территории Сирии и Ирака [1; 2].

Примечательно, что даже при изначально высоком уровне криминализации государства (и Бразилия здесь не исключение) ПО не оказывают фундаментального разрушительного влияния на него, поскольку у них изначально не было мотива сецессировать из состава государства или изменить его социально-политическое устройство. Террористические организации, иногда – национально-освободительные движения, действующие террористическими методами, – напротив, сразу активируются в военно-повстанческой форме. Это логично: вставшая на путь преобразования общественно-политического устройства сообразно собственным представлениям организация изначально должна резко интенсифицировать градус противостояния с государством и его органами безопасности – настолько, насколько это ей позволяют ресурсы и ряд других факторов. Поэтому динамика развития повстанческих / террористических организаций при условии, что государство не в состоянии эффективно им противодействовать, с ранних этапов их деятельности развивается стремительно. Криминальные организации изначально не стремятся к подобным целям и действуют лишь ради извлечения прибыли незаконным путём, вследствие чего у них нет мотива для разрушения или изменения государства. Однако по мере своей эволюции ПО проходят ряд стадий, после которых ситуация начинает радикально меняться. Постепенно их деятельность разрастается, осуществляется экспансия сначала в сопредельные территории, контролируемые криминальными конкурентами, после чего деятельность ПО интернационализируется и ПО трансформируется в ТПО. Более того, у них появляются признаки выхода в политическую область и легитимизации своей деятельности

⁸ Террористическая организация, запрещённая в России.

⁹ Террористическая организация, запрещённая в России.

[7], в т. ч. через указанный ранее фактор территориального контроля, который, по сути, практически не отличается от инсurreкции в отдельно взятом государстве.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В силу специфики любых сложных социальных систем и усложнения их организации (крупные криминальные структуры являются разновидностью таких систем), ПО стремятся к увеличению своей экспансии. Основных причин тому две:

1) всякое достаточно крупное, сложное и высокоорганизованное сообщество, будь то государственное ведомство или негосударственные насильственные акторы по типу ПО, стремится к расширению своего влияния и контроля над ресурсной базой, и сдерживается либо балансом сил и интересов (если речь идёт о государственных ведомствах), либо с помощью прямого насилия (если речь ведётся о противодействии государства по отношению к ПО); разумеется, есть и промежуточные версии, но сути это не меняет;

2) значительная часть даже высокоразвитых ПО, будучи не в состоянии что-либо производить, т. е. создавать настоящую многоукладную экономику, сосредотачиваются лишь на присвоении и перераспределении ресурсов незаконным путём и стремятся к расширению своих владений.

Чем больше криминальная организация, тем больше растёт её необходимость захвата новых территорий и вытеснения с них конкурентов и государства. Это обусловлено организационным усложнением, когда для поддержания прежней эффективности потребность в новых ресурсах растёт нелинейно. В сложных системах более всего проявляется синергия, поэтому для поддержания достаточной эффективности для организации в 10 тыс. человек нужно больше ресурсов в пересчёте на одного её участника, чем для организации в 100 человек. Для существования крупной ПО требуется больше ресурсов для обеспечения конспиративной деятельности, происходит неизбежное структурное усложнение ПО из-за всё более углубляющегося разделения труда, необходимости привлечения высококвалифицированных специалистов для выполнения заданий и работы, требующих специальных навыков, а значит, для этого необходимо соответствующее оборудование, для приобретения которого также нужны новые ресурсы, и т. д. Рост

территориального контроля обуславливает необходимость увеличения количества транспортных средств, чтобы обладать физической возможностью реагировать на вторжение конкурентов, мобилизовать боевиков на отдельном участке в короткие временные сроки. Следовательно, для этого нужно увеличение количества единиц транспорта, топлива, средств связи и пр. Поскольку ПО ничего не производят (возможно, за исключением некоторых банд 3GG и картелей), а лишь присваивают и перераспределяют ресурсы, получить они их могут только тремя основными путями:

1) когда поток наркотиков, оружия, контрабанды бытовых товаров и пр. увеличивается в силу ряда обстоятельств: политических аспектов (войны и другие формы социально-политической нестабильности, ведущие к росту «серого» и «чёрного» трафика), социальных (например, рост потребления дешёвых наркотиков, а также в целом пауперизация населения, провоцирующая его криминализацию), вопросов безопасности (дальнейшее усугубление коррупции властей, органов безопасности, военных, а также полиции и, как следствие, снижение эффективности их борьбы с преступностью), логистики (например, строительство новых портов, увеличивающее пропускную способность поставок запрещённых товаров) или комбинации вышеперечисленного;

2) за счёт захвата новых территорий, вытеснения оттуда конкурентов и государства, а также выхода на транснациональный уровень;

3) комбинацией двух вышеозначенных путей.

Разумеется, существует множество препятствующих этому факторов – противодействие государства, в т. ч. в форме борьбы с ПО, реформы, направленные на решение самых острых социально-экономических проблем, и т. п., однако не в ситуации, когда эффективность работы государства низка, а системные факторы деградации общества сами порождают новые ПО и ведут к росту их влияния.

При этом на определённом этапе для ПО всё больше требуется легитимизация своей деятельности в глазах населения, дабы оно не противодействовало распространению ПО, а напротив, частично или полностью поддерживало её. Отчасти это связано с принципом выбора меньшего из зол, отчасти – с принятием того факта, что ПО в ряде случаев выполняют более эффективно социальные функции, чем государство. Тогда уже

нельзя говорить о чисто криминальных мотивах ПО (извлечение прибыли незаконным путём); напротив, на отдельных территориях они приобретают всё больше государственных признаков. В Бразилии им соответствуют некоторые ополчения и самые крупные банды. На данном этапе такого типа ПО уже мало чем отличаются от террористических организаций, поскольку они *де-факто* меняют общественное устройство на значительных территориях и вытесняют оттуда государство, представляя угрозу его суверенитету.

Таким образом, результаты данного исследования расширяют понимание влияния преступных сообществ на государство на примере Бразилии. Подобные деструктивные явления необходимо учитывать органам государственной власти Российской Федерации, которые участвуют в выработке российской внешней политики в отношении государств, в которых ПО в состоянии осуществлять территориальное доминирование и *де-факто* стремиться достичь политических целей.

Наконец, использование континуума «криминал–терроризм–государство» в качестве метода исследования позволяет графически отобразить влияние криминальных и террористических организаций на государство. Данный метод может быть использован для дальнейших исследований преступности высокой интенсивности, деструктивно влияющей на государственный суверенитет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голунов С. В. Террористический «халифат» как квазигосударство: проблема концептуализации // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз. 2020. № 2. С. 87–103.
2. Степанова Е. А. ИГИЛ и феномен иностранных боевиков-террористов в Сирии и Ираке. М.: ИМЭМО РАН, 2020. 198 с.
3. Стригунов К. С., Манойло А. В., Петренко А. И. Наркокартели и криминальные сети. Рассвет тёмной глобализации. М.: Горячая линия-Телеком, 2022. 304 с.
4. Andrade F., Almeida F. Organização criminosa transnacional: respondendo ao risco com Inteligência // Revista Brasileira de Ciências Policiais, Brasília, Brasil. 2022. Vol. 13. № 8. P. 333–358. (на порт. яз.)

5. Bunker R. Criminal-States and Criminal-Soldiers. NY: Routledge, 2008. 368 p.
6. Cano I. Seis por Meia Dúzia?: um estudo exploratório do Fenômeno das Chamadas 'Milícias' no Rio de Janeiro // Justiça Global. Segurança, Tráfico e Milícias no Rio de Janeiro. Rio de Janeiro: Fundação Heinrich Böll, 2008. P. 48–103. (на порт. яз.)
7. Carnevale D. Criminal humanitarianism. A visual exploration of criminal legitimisation, between alternative moralities and the political vacuum // Interdisciplinary Political Studies. 2019. Vol. 5. № 1. P. 79–125.
8. Diogo P. O Cartel e o Comando: território e territorialidade no Cartel de Sinaloa e no Primeiro Comando da Capital: dis. ... Doutorado em Ciências Sociais. Brasília, 2021. 287 p. (на порт. яз.)
9. Duarte T. Vácuo no poder? Reflexões sobre a difusão do Primeiro Comando da Capital pelo Brasil // Revista Crítica de Ciências Sociais. 2020. № 122. P. 77–96. (на порт. яз.)
10. Lima M., Oliveira A., Leão S. O impacto das organizações criminosas na sociedade Brasileira luz da serie Guerra sem fim: o Povo // Revista Científica Multidisciplinar. 2022. Vol. 3. № 6. P. 1–26. (на порт. яз.)
11. Makarenko T. The Crime-Terror Continuum: Tracing the Interplay between Transnational Organized Crime and Terrorism // Global Crime. 2004. Vol. 6. № 1. P. 129–145.
12. Sullivan J. Third Generation Street Gangs: Turf, Cartels and Netwarriors // Crime & Justice. International. 1997. Vol. 13. № 9. P. 95–108.
13. Sullivan J., Bunker R. Rethinking insurgency: Criminality, spirituality, and societal warfare in the Americas // Small Wars & Insurgencies. 2001. Vol. 22. № 5. P. 742–763.
14. Urban Conflict and Transnational Crime in Latin American Cities. In New Global Cities in Latin America and Asia: Welcome to the Twenty-First Century / ed. P. Baisotti. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2022. 364 p.
15. Zaluar A., Conceição I. S. Favela sob o controle das milícias no Rio de Janeiro: que paz? // São Paulo em Perspectiva. 2007. Vol. 21. № 2. P. 89–101. (на порт. яз.)

ARTICLE INFORMATION

Authors

Konstantin A. Strigunov

- e-mail: sks6891@gmail.com
Cand. Sci. (Political Sciences), Leading Analyst,
Association of Information Warfare Specialists
korp.1425 kv. 109, Moscow, Zelenograd 124617, Russian Federation

Andrey V. Manoilo

- e-mail: 9315891@gmail.com
Dr. Sci. (Political Sciences), Prof., Department
of International Relations and Foreign Policy of Russia,
Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
pr-t Vernadskogo 76, Moscow 119454, Russian Federation

FOR CITATION

Strigunov K. A., Manoilo A. V. Criminal organizations as destructive political actors (on materials of Brazil). In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2024, no. 1.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To determine the mechanisms of the destructive influence of criminal organizations on the Brazilian State.

Methodology. The study was conducted on the example of Brazilian criminal organizations using the trilateral continuum "Crime-Terrorism-State". The methods of systemic and comparative analysis, synthesis, generalization, and interpretation of the results were also used.

Results. The mechanism of the destructive influence of criminal organizations on the Brazilian State is revealed in accordance with the proposed method. The conditions under which Brazilian criminal organizations should de facto be equated with terrorist organizations were also identified. An explanation is given to the fact that territorial control and the strengthening of criminal and/or terrorist organizations are closely interconnected with the degradation of the state and its institutions.

Research implications. The results of the study expand the understanding of the influence of criminal organizations on the state on the example of Brazil. The use of the “Criminal-Terrorism-State” continuum as a research method makes it possible to graphically display the influence of criminal and terrorist organizations on the state.

Keywords

Brazil, criminal organizations, gangs, militias, CTS-continuum, CTS-singularity

REFERENCES

1. Golunov S. V. [The terrorist “caliphate” as quasi-state: problem of conceptualization]. In: *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz* [Politeia], 2020, no. 2, pp. 87–103.
2. Stepanova E. A. *IGIL i fenomen inostrannykh boevikov-terroristov v Sirii i Irake* [ISIS and the phenomenon of foreign terrorist fighters in Syria and Iraq]. Moscow, IMEMO RAN Publ., 2020. 198 p.
3. Strigunov K. S., Manoilo A. V., Petrenko A. I. *Narkokarteli i kriminal'nye seti. Rassvet temnoi globalizatsii* [Drug cartels and criminal networks. The dawn of dark globalization]. Moscow, Goryachaya liniya-Telekom Publ., 2022. 304 p.
4. Andrade F., Almeida F. Organização criminosa transnacional: respondendo ao risco com Inteligência. In: *Revista Brasileira de Ciências Policiais, Brasília, Brasil*, 2022, vol. 13, no. 8, pp. 333–358.
5. Bunker R. *Criminal-States and Criminal-Soldiers*. New York, Routledge, 2008. 368 p.
6. Cano I. Seis por Meia Dúzia?: um estudo exploratório do Fenômeno das Chamadas ‘Milícias’ no Rio de Janeiro. In: *Justiça Global. Segurança, Tráfico e Milícias no Rio de Janeiro*. Rio de Janeiro, Fundação Heinrich Böll, 2008, pp. 48–103.
7. Carnevale D. Criminal humanitarianism. A visual exploration of criminal legitimisation, between alternative moralities and the political vacuum. In: *Interdisciplinary Political Studies*, 2019, vol. 5, no. 1, pp. 79–125.
8. Diogo P. O Cartel e o Comando: território e territorialidade no Cartel de Sinaloa e no Primeiro Comando da Capital: dis. ... Doutorado em Ciências Sociais. Brasília, 2021. 287 p.
9. Duarte T. Vácuo no poder? Reflexões sobre a difusão do Primeiro Comando da Capital pelo Brasil. In: *Revista Crítica de Ciências Sociais*, 2020, no. 122, pp. 77–96.

10. Lima M., Oliveira A., Leão S. O impacto das organizações criminosas na sociedade Brasileira luz da serie Guerra sem fim: o Povo. In: *Revista Científica Multidisciplinar*, 2022, vol. 3, no. 6, pp. 1–26.
11. Makarenko T. The Crime-Terror Continuum: Tracing the Interplay between Transnational Organized Crime and Terrorism. In: *Global Crime*, 2004, vol. 6, no. 1, pp. 129–145.
12. Sullivan J. Third Generation Street Gangs: Turf, Cartels and Netwarriors. In: *Crime & Justice. International*, 1997, vol. 13, no. 9, pp. 95–108.
13. Sullivan J., Bunker R. Rethinking insurgency: Criminality, spirituality, and societal warfare in the Americas. In: *Small Wars & Insurgencies*, 2001, vol. 22, no. 5, pp. 742–763.
14. Baisotti P., ed. Urban Conflict and Transnational Crime in Latin American Cities. In *New Global Cities in Latin America and Asia: Welcome to the Twenty-First Century*. Ann Arbor, University of Michigan Press, 2022. 364 p.
15. Zaluar A., Conceição I. S. Favela sob o controle das milícias no Rio de Janeiro: que paz? In: *São Paulo em Perspectiva*, 2007, vol. 21, no. 2, pp. 89–101.